

UNIwersYTET OPOLSKI
INSTYTUT FILOLOGII POLSKIEJ

SŁOWO i CZAS

Redakcja naukowa
Stanisław Gajda i Anna Pietryga

Opole 1998

Бранко ТОШОВИЧ

(Грац)

Теория индикатива и релятива как инновация в темпусологии XX века

В этом году исполняется 70 лет со дня, когда акад. Александр Белич¹ выдвинул теорию синтаксического индикатива и релятива как двух основных категорий глагольного времени. Эту теорию он первый раз представил в работе *O sintaksičkom indikativu i relativu*, написанной в феврале 1927 года. Она вышла год спустя в Польше, в юбилейном сборнике, посвященном проф. Яну Розвадовскому (*Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski. — Cracoviae, 1928*). За прошедший период (70 лет) теория А. Белича вызывала немалый интерес у крупнейших лингвистов и славистов мира. В настоящей работе нам хотелось бы критически рассмотреть эту теорию в рамках славянской и европейской темпусологии XX века (основные аспекты и направления данного анализа представлены в схеме 1).

Среди элементов, входящих в категорию времени, одним из самых сложных для толкования и одновременно самых важных является временной

¹ Профессор Белградского университета Александр Белич родился в 1876 году, умер в 1960 г. Он изучал славистику в Белграде, Одессе, Москве и Лейпциге. Докторскую диссертацию „Zur Entwicklungsgeschichte der slawischen Deminutiv und Amplifikativsuffixe” А. Белич защитил в 1900 в Лейпциге. С 1937 по 1960 (до смерти) он выполнял должность президента Сербской академии наук и искусств. Александр Белич являлся членом всех славянских академий наук и ряда европейских академий наук (Королевской академии Дании, Баварской академии в Мюнхене). Александр Белич стал почетным доктором наук Пражского университета (1946), Московского государственного университета (1947), Глазговского университета (1951). Он читал лекции в разных европейских университетах. А. Белич основал лингвистические журналы „Јужнословески филолог” (долгое время был его главным редактором) и „Наш језик”, выпускал ежегодник „Српски дијалектолошки зборник”. Он был учеником известных младограмматиков Ф. Ф. Фортунатова, К. Бругмана, Э. Сиверса и А. Лескина. Основная область его научных интересов — грамматика, диалектология, акцентология, правописание, сравнительное языкознание. А. Белич принадлежит небольшому кругу югославских лингвистов, которым удалось создать свой взгляд на фундаментальные лингвистические вопросы (см. книгу „О језичкој природи и језичком развитуку” — „О языковой природе и языковом развитии” — 1941). Что касается языковых уровней, самый значительный вклад он внес в семантику и синтаксис глагольных форм.

ориентир. В языке основным ориентиром является момент речи². Время является категорией, базирующейся на отношении момента действия к моменту речи. Точка отсчета представляет собой тот пункт, в котором зарождается представление о времени, создается перспектива предложения, вырабатывается парадигматическая и синтагматическая организация высказывания. В зависимости от того, где находится эта исходная точка и кто является ее носителем, категория времени членится на подкатегории и элементы. В онтологическом толковании время разделяется на три периода: 1. на то, что является прошлым, 2. на то, что является будущим и 3. на то, что является настоящим. С психологической точки зрения время рассматривается как умственный процесс, порождающий особую категорию — психологическое время. Оно подразумевает продолжительность восприятия настоящего времени³. В биологии выделяется биологическое время — время, в котором протекает жизнь определенного живого организма. В геологии есть также свое представление о времени. Геологическое настоящее время, т. е. время существования Земли, составляет 70 миллионов лет. Если время рассматривать как чисто физический процесс, то ориентиром здесь будет превращение фотонов в пару электрон — позитрон, которое длится 10^{-21} . И это будет

² Спорным является вопрос о том, как назвать временную точку отсчета. Для Э. Кржижковой точка отсчета является центральным организующим звеном, подчиняющим себе все остальные звенья (Кржижкова 1962: 19). Точка отсчета является, по ее мнению, объективным критерием для выявления инвариантных значений временных форм. Момент речи Э. Кржижкова считает условным термином для обозначения настоящего в собственном смысле слова (Кржижкова 1962: 20). Преобладает мнение о том, что временной точкой отсчета надо считать момент речи. Г. Рейхенбах пользуется тремя понятиями: событием, моментом речи и моментом референции (Reichenbach 1947). В. В. Виноградов говорит о точке зрения как исходном пункте для определения отношения содержания предложения к действительности (Виноградов 1975: 268). Он указывает на то, что ориентация действия может быть двойственной: на момент речи или (при относительном времени) на другую точку отсчета. В чешской Русской грамматике момент речи характеризуется как единственный в языковом отображении событий ориентир, по которому говорящий-участник высказывания локализует действие в одном из трех временных планов: настоящем, прошедшем или будущем (Barnetova i dr. 1979, I, 165). Далее указывается, что точка отсчета грамматической времени имеет совершенно релятивный характер. В. Г. Гак считает, что категория времени отражает отношение действия к моменту речи и другим действиям (Гак 1979: 202). Точкой отсчета, по его мнению, является настоящее. Момент речи Е. В. Падучева определяет как „момент произнесения высказывания, совпадающий с моментом его восприятия; иначе можно сказать, что это — настоящее время субъекта речи, совпадающее с настоящим временем адресата” (Падучева 1989: 165). В немецком языкознании выделяют три элемента: момент или время действия (Aktzeit), момент или время речи (Sprechzeit) и момент или время наблюдения (Betrachtzeit). Некоторые считают, что термин „момент речи” является неподходящим и что его надо заменить чем-нибудь другим. В литературе часто встречается выражение „время речи”. А. И. Горшков исходит из идеологической точки зрения и считает что учение об отношении „момента действия” к „моменту речи” как основе, сущности категории глагольного времени было разработано представителями субъективно-психологического направления в языкознании (Горшков 1959: 260). По его мнению это учение является неправильным, потому что момент речи лежит вне грамматической системы языка и основанное на нем учение о трех временах является лишь абстрактной схемой (Горшков

физическое время. Оно подразумевает непрерывный, нечленимый процесс и еще называется реальным, объективным, абсолютным временем. Реальное время является бесконечной последовательностью, в которой нет периодов и элементов. Существуют четыре концепции реального времени: субстанциональная (время как субстанция), реляционная (время как отношение между событиями), статическая (реально существуют три периода — прошлое, настоящее и будущее) и динамическая (выделяются только события настоящего времени)⁴. Реальное время выражается во всех языках, но не все языки развивают категорию грамматического времени, напр. в египетском языке нет этой категории, она выражается не морфологическими средствами, а при помощи предлогов (Коростовцев 1969: 103)⁵. Вообще, древней глагольной системе семитских языков была чужда категория времени. Исходя из определенной точки отсчета выделяется также химическое, физиологическое, географическое, астрономическое, социальное⁶, социологическое, историческое⁷, художественное⁸, концептуальное⁹, экзистенциальное¹⁰ время. В философии существуют два подхода к пониманию и истолкованию природы времени, которые условно можно назвать длительностным и точечным (Голованова 1989: 107). В точечном подходе время представляется в форме дискретных точек и их механического соединения. В длительностном подхо-

1959, 263). За основу категории глагольного времени он принимает соотносительность глагольных временных форм. Близкую позицию занимает и И. Г. Кошечая: „Поэтому ясно, что момент речи, будучи понятием субъективным, отрицательно влияет на анализ значения грамматической категории времени. Не случайно проф. Н. А. Поспелов отошел от традиционного определения времени как отношения действия к моменту речи, вскрыв его субъективную сущность и увидев в нем неприкрытое проявление кантианства” (Кошечая 1972: 146). Основная претензия всех противников момента речи как основы категории времени сводится к его субъективной сущности, „ибо определение времени как отношения действия к моменту речи низводит объективный характер грамматической категории к второстепенной роли, отводя первоочередное место мысли говорящего или думающего субъекта.” (Кошечая 1972: 147). И. Г. Кошечая допускает возможность считать момент речи какой-то точкой отсчета объективного времени, но не демаркационной: объективное время определяется не моментом речи, а состоянием вещей и их изменением.

³ Одни считают, что оно длится 12–60 секунд (Джемс), другие 5–6 секунд (Тьерон) и что сам психический момент охватывает время в 50 миллисекунд. В качестве точки времени некоторые выделяют одну десятую единицу для зрения и одну сотую для слуха и осязания. Более подробно о психическом настоящем см. Уитроу 1964, Элькин 1962, Кошечая 1972.

⁴ О четырех концепциях времени в философии и физике см. Молчанов 1977. О динамической и статической концепции времени см. Урутян 1988.

⁵ О соотношении реального времени и структуры языка см. Юрченко 1993. О реальном времени см. также Мостепаненко 1969.

⁶ См. Каган 1982: 119.

⁷ См. Каган 1982: 119.

⁸ См. Тураева 1979.

⁹ „Концептуальное время есть абстрактная математическая модель, отражающая свойства реального времени” (Тураева 1979: 30). См. также Мостепаненко 1969: 17.

¹⁰ См. Каган 1982: 122.

шления, и оно членится на периоды: прошлое, настоящее и будущее. Коммуникативное время — это время общения. Обсервационное время — время наблюдения за определенной коммуникацией, за определенной речью. Во всех типах времени можно выделить позиции одновременности (контемпоральности), предшествования (антериорности) и следования (постериорности).

Академик Александр Белич уже в начале этого столетия обратил внимание на то, что категория времени отражает различные ориентации. Он выделил две точки отсчета — момент речи и „какой-нибудь другой момент”¹⁴. А. Белич пишет: „Правда то, что каждое время — это реализация определенного отношения совершенного действия по отношению к определенному моменту. Когда определенные формы начинают выражать эти отношения, они становятся и носителями самих временных значений” (Belić 1941: 357). „... говорящий является центром, на основе которого определяется временное отношение глагольных слов в предложении, если в предложении то, что обозначается глагол, приписывается субъекту. В зависимости от наличия одной из двух точек отсчета — момента речи и „какого-нибудь другого момента” — А. Белич выделяет две категории времени: синтаксический индикатив и синтаксический релятив. Если действие относится к моменту речи, речь идет об индикативном употреблении времени, если действие относится к какому-нибудь другому моменту, мы имеем дело с релятивным употреблением. Александр Белич это объясняет следующим способом: „Когда мы говорим: **дошао је** старац ‘пришел старик’, мы констатируем в настоящем связь между объектом и совершенным действием в прошлом; это значит, что глагол **јесам** сохранил в определенной степени свое презенсное значение, что при помощи его обозначается связь в настоящем между совершенным действием в прошлом и субъектом (**старац** — старик). Это настоящее значение нашего „полного” перфекта, им выражается действие в прошлом по отношению к моменту сообщения о нем, которое находится в настоящем. Это собственно индикативный перфект; некая форма перфекта-презенса. Однако, во всех случаях употребления „краткого” перфекта ситуация совсем другая. Это предложение типа **дошао** старац, **сео** и **почео** причати ‘пришел старик, сел и начал рассказывать’. Здесь, как и во всех таких предложениях, только констатируется, что действие совершилось в прошлом, но о нем не говорится в настоящем; оно передается по отношению к другим действиям в прошлом, без любой связи с настоящим. Таким образом, здесь глагол „**јесам**” является ненужным. Ясно, что „краткий перфект” — в самом деле „исторический” или „релятивный” перфект; однако

¹⁴ В некоторых толкованиях оно считается четвертым измерением пространства (помимо длины, ширины и высоты).

¹⁵ Таким образом он занял позицию, которую в нашем толковании можно назвать экстенционально-коммуникативной.

только „полный перфект” является собственно перфектом или индикативным перфектом. Я взял здесь пример, в котором эти две синтаксические категории: „индикатив” (или, может быть, эффе́ктив) и определенная противоположность индикативу, может быть „релятив”¹⁶ (в котором действие в прошлом определяется по отношению к другим действиям или моментам прошлого) выражаются при помощи различных морфологических знаков...” (Belić 1927: 48–49). Точнее, ориентиром для определения типа времени служит не только момент речи, но и говорящий: „Время глагольного действия, абсолютно или непосредственно выраженное с точки зрения говорящего, является реальным временем, реально представленным так, как оно проходило. Это собственно синтаксический индикатив или индикатив в более узком значении, потому что морфологический индикатив, т. е. индикатив в тех языках, где индикатив формально отличается от модальных и других форм, обычно намного шире. Все остальное, т. е. все то, что является не таким, находится в определенном отношении к другому действию в прошлом или будущем, и, таким образом, находится в синтаксическом „релятиве”. (Belić 1927: 52). Александр Белич делает вывод о том, что у глаголов в синтаксическом релятиве нет *своего* временного значения; они его получают от глагола главного действия (Belić 1927: 53).

В синтаксическом индикативе времена определяются по отношению к моменту действия. „И само понятие времени выражает сложные отношения, которые обычно в недостаточной мере отличаются, и поэтому создается путаница в определении временного значения данной формы. Я уже упомянул, что каждое время в собственном смысле — это отношение к моменту речи, к говорящему, который, своей речью, выражает настоящее. Все, что произошло до момента речи говорящего и что сообщается им, представляет собой прошлое, то, что произошло во время речи — настоящее, а то, что будет происходить после его речи, относится к будущему. Времена, которые определяются по этим параметрам, являются индикативными или собственно временами.” (Belić 1941: 356). В индикативе передаются события по отношению к настоящему так, как они во времени происходили. „Индикативом или настоящим употреблением времени я называю соотнесение действия к моменту речи, который представляет собой настоящее, этот бесспорно центральный временной пункт или исходный, основной временной пункт для определения всего того, что происходит вокруг нас” (Belić 1938/1939: 179). В индикативе глагольный вид подчиняется глагольному времени, в то время как в синтаксическом релятиве глагольное время исчезает и подчиняется глагольному виду (Belić 1927: 54). В синтаксическом релятиве глагольные времена употребляются по отношению к другим временам, или в такой временной ситуации, которая предполагает настоящее, прошлое или будущее, или же глагольное действие имеет всевременной характер. В релятиве

¹⁶ Здесь видно, как А. Белич колебался в поиске названия выделенных им категорий.

времена выражают, в определенной мере, другое значение, чем в синтаксическом индикативе. Поэтому здесь соприкасаются многие времена, которые существенно отличаются в индикативе и могут заменять друг друга.

Разграничения между индикативом и релятивом А. Белич придерживался более двадцати лет (1927–1938). Накануне второй мировой войны он меняет позицию и синтаксический релятив разделяет на две части: на настоящее релятивное употребление (когда глагольное действие соотносится не с моментом речи, а с каким-либо другим моментом в прошлом и будущем) и модальное (когда глагольная временная форма используется не в своей временной ситуации) — Belić 1938/39: 179. В 1941 году выходит его известная книга „О језичкој природи и језичком развоју”, в которой он окончательно оформляет свою теорию и выделяет три категории: 1. настоящее временное значение (индикатив), 2. временной релятив и 3. невременные значения временных форм (употребление времен в особых обстоятельствах). Последнюю категорию он разделяет на четыре части: а) индикативные формы в модальном употреблении, б) квалификативные и другие формы употребления времени, в) гномическое употребление времени и г) Oratio obliqua.

О модальном употреблении временных форм А. Белич пишет: „Временные формы могут быть перенесены в ситуацию, которая по времени не совпадает с ними, и по отношению к которой трудно осуществить какое-либо временное согласование, подобно согласованию напр. в релятиве; тогда временное значение превращается или в видовое значение или в значение наклонения, которое получает глагольная форма от самой временной ситуации, в которой она находится. Напр. футур, если его перенести в презенсную ситуацию, превращается в конъюнктив по значению: То će biti tačno = Da wird richtig sein pавно „Я предполагаю, я думаю, что это точно”. (Belić 1941: 382). А. Белич указывает на то, что намного больше примеров с таким значением наблюдается при использовании претеритальных времен глаголов совершенного вида для обозначения действия в настоящем. При этом обычно получается конъюнктивное значение, вытекающее из результативного значения данных форм и влекущее за собой уверенность или надежду в реализацию действия, напр.: **Pogiboh!** = Я чувствую, что погибаю; **Propao sam** = Я уверен, что пропадаю; **Umreh** od žeđi = Мне так хочется пить, в немецком: **Ich bin verloren** (Belić 1941: 383). Он подчеркивает, что такие модальные значения всегда содержат оттенок будущего времени (ср. Ja **podoh**, а vi **ostajte** — Я пошел, а вы оставайтесь). Больше всего примеров с модальным значением временных форм А. Белич находит в императиве (в клятвах типа **Ubio te Bog** = Neka te ubije Bog, **Želim tvoju smrt** — Будь проклят, в русском **Пошел к черту!**) и в прохибитиве (Da **nisi pošao** — Тебе нельзя идти). Что касается названия „модальное употребление”, А. Белич колебался между двумя категориями — модальности и транспозитивности. Об этом свидетельствует следующее высказывание А. Белича: „Временные формы, использованные в невременной ситуации, дают свой „временной вид”, говорил я

когда-то. Сейчас я бы скорее сказал, что речь идет о временной транспозиции, которая всегда является модальной” (Belić 1938/39: 184). В дальнейшем анализе он объединяет модальность и транспозитивность и говорит о модальной транспозиции времен (с. 185) и видовой временной транспозиции (с. 187).

Если глагол в сказуемом не указывает на то, что действие совершается в данный момент, а выражает только свойства субъекта, речь идет о квалификативном употреблении временных форм. Напр., On **svira** gitaru — Он играет на гитаре, Djevojka **je došla bosa** — Девушка пришла босой. Сюда относятся и случаи действия, совершаемого одновременно с моментом речи: Ljubav sve **pobjeđuje** (Amor omnia vincit) — Любовь все побеждает. Форма настоящего времени **pobjeđuje** (vincit) относится к моменту, когда это высказывание было произнесено, но оно одновременно относится и к любому другому моменту в прошлом, будущем и настоящем. Такую категорию А. Белич называет **svevremenost** (всевременность) и относит ее к релятиву. „Как только одно действие может относиться к различным моментам времени, как здесь к несостоящему, прошлому и будущему, оно находится в релятиве, несмотря на то, имеет ли он самостоятельное употребление: релятивный момент речи всегда подразумевается” (Belić 1941: 385).

Гномическое употребление форм времени касается использования этих форм в пословицах, поговорках, мудрых изречениях и т. п., напр. Ko drugome jami **kopa sam** и nju **pada ili padne** ‘Кто другому яму копает, сам в нее попадает / попадет’ (Belić 1941: 383). Здесь тоже налицо „всевременность”.

Категория Oratio obliqua относится к употреблению временных форм в косвенной речи (u zavisnom, indirektnom govoru). Напр. **Doći ću** — „Я приду” относится к индикативу, Rekao sam: **doći ću** — „Я сказал: я приду” к релятиву, а Rekao sam: da **ću doći** — „Я сказал, что я приду” к Oratio obliqua¹⁷.

Категории квалификативного употребления, гномического использования и Oratio obliqua оказались самыми уязвимыми местами в теории А. Белича, потому что они как-то „висят” по отношению к индикативу и релятиву¹⁸. Эти категории внесены как-то случайно, непродуманно, они не укладываются в общую систему, в которой доминируют индикатив и релятив. Поэтому категории квалификативного употребления, гномического использования и Oratio obliqua не нашли поддержки у исследователей. Даже самый приверженный сторонник теории А. Белича, его ученик, Михаило Степа-

¹⁷ В связи с этим Белич подчеркивает: „Таким образом, превращение прямой речи в косвенную не что иное, как превращение настоящего индикатива в ненастоящий индикатив или релятив” (Belić 1941: 389).

¹⁸ Квалификативное употребление А. Белич большей частью соотносит с релятивным временным употреблением, а гномическую с невременным значением. С другой стороны, Н. С. Поспелов считает, что обе эти категории являются индикативными (Поспелов 1947).

нович считал ошибкой выделение этих категорий наряду с модальным употреблением (Stevanović 1980: 16).

Теория синтаксического индикатива и релятива возникла не на числом поле. Ее подготовили в южнославянской лингвистике Томо Маретич, Любомир Стоянович и Аугуст Мусич, а в зарубежном языкознании, прежде всего К. Бругманн и Й. Шталь. Первым, от которого идут истоки взглядов Александра Белича на категорию времени, является хорватский лингвист Томо Маретич. В „Грамматике и стилистике хорватского или сербского языка” он указывал на то, что при исследовании времен необходимо различать четыре категории: *pripovijedanje* (повествование, т. е. „когда я кому-нибудь что-нибудь говорю”), *priopćavanje* (сообщение, „если моя основная цель что-нибудь сообщить”), *javljanje* (объявление, „когда о том, что случилось, я говорю тому, кому это неизвестно”) и *sprominjanje* (напоминание, „когда говорится о прошлом, которое собеседнику известно”) — Maretić 1899: 599. Т. Маретич был одним из первых, кто употребил термин релятив для обозначения ситуации, когда точкой отсчета не является время речи.

За шесть лет до появления теории А. Белича его учитель Любомир Стоянович (1860–1929) также выделил как особую категорию релятив (*Stojanović 1921*). В категории времени он различал: *pravu sadašnjost*, *prošlost* i *budućnost* i *relativnu sadašnjost*, *prošlost* i *budućnost* (собственно настоящее, прошлое и будущее и релятивное настоящее, прошлое и будущее). Он писал: „Глагольное действие (здесь подразумевается также состояние и событие) протекает во времени, которое мы разделяем на *настоящее*, *прошлое* и *будущее*. Так как *время* состоит из непрерывного ряда моментов, среди которых как только один возникает, он сразу исчезает и уступает место второму, второй третьему и так далее до бесконечности, и так как нельзя изменять эти моменты, собственно настоящего и нет, потому что все это прошлое и будущее. — *Настоящим* мы называем один сегмент времени, когда мы говорим. Оно, таким образом, состоит из определенного числа моментов, которые прошли (с тех пор как мы начали говорить) и определенного числа моментов, которые наступят (пока мы не закончим речь). Все, что происходило до начала речи, мы называем *прошлым*, а то, что случится по окончании речи, мы называем *будущим*. — Разумеется, настоящее, прошлое и будущее могут быть собственно настоящее, прошедшее и будущее и релятивное настоящее, прошедшее и будущее” (*Stojanović 1921: 187–188*). Но к сожалению, Л. Стоянович теоретически подробно не рассматривает эту проблему и дальнейший его анализ замыкается лишь в категории индикатива. Но зато Любомир Стоянович обратил внимание на то, что впоследствии развил Александр Белич. Он указал на наличие двух ориентиров — времени речи и времени другого действия и подчеркнул, что установка на время речи дает собственно настоящее, прошедшее и будущее время (*pravo vrijeme*), а установка на время какого-нибудь другого действия — релятивное время (*relativno vrijeme*) — настоящее, прошедшее и будущее.

Но из всех южнославянских предшественников А. Белича на его теорию больше всего оказал влияние хорватский лингвист Аугуст Мусич (1856–1938). За год до появления первой статьи Белича Аугуст Мусич опубликовал большую работу под названием „*Prilozi nauči o upotrebi vremena u srpsko-hrvatskom jeziku*”¹⁹ (Musić 1926). Анализируя народную поэзию, А. Мусич пришел к выводу о том, что важно различать „то что говорит поэт (*pripovijedanje* — Р, повествование) и то, что говорят отдельные лица (*razgovor* — разговор)”²⁰, потому что время, на основании которого темпорально определяется глагольное действие, является во всяком случае другим.” (Musić 1926: 113). Если Томо Маретич первый указал на эту разницу, выделяя четыре категории, то Аугуст Мусич, восприняв данную точку зрения Томо Маретича, свел эти четыре категории к двум, потому что ему казалось достаточным различать только повествование и разговор. А. Белич об этом пишет: „Хотя я совсем независимо от этих исследований г. Мусича и раньше выдвинул свой синтаксический индикатив и синтаксический релятив, я рад, что и в работах нашего уважаемого синтаксиста я нашел что-то, что в основном совпадает с моими категориями, а именно „повествование” и „разговор” (Belić 1926/27: 131). Но А. Белич критически рассматривает выделенные А. Мусичем категории: „Господин Мусич говорит, что в повествовании глагольное действие определяется по отношению ко времени, в котором или когда повествователь говорит, а в разговоре — по отношению ко времени говорящего. Это, по моему мнению, одно и то же. Если бы это было так, то разницы между повествованием и разговором не оказалось бы. Однако, эта разница действительно существует... В повествовании имеем, таким образом, относительное (ориентированное к прошлому) употребление времени, а в разговоре прямое, индикативное употребление (ориентированное к настоящему). В первом случае употребление времени определяется по отношению к действиям в прошлом, в другом же — оно определяется по отношению к настоящему, к моменту, когда данное лицо говорит, а этот момент находится в настоящем, потому что на основании него, как центра, определяется продолжительность разговора, определяются все другие времена. В статье, которая выйдет в Сборнике, посвященном проф. Яну Розвадовскому (*Symbolae Grammaticae*), я назвал первое синтаксическим „релятивом”, а второе синтаксическим „индикативом”. Эти два синтаксические способа употребления времени являются очень широкими и охватывают не только повествование и разговор, но и многие другие формы предложения, в которых наша речь появляется” (Belić 1927: 103). Исследования Аугуста Мусича, по мнению М. Стевановича, в значительной мере побудили А. Белича к изучению этой области синтаксиса сербохорватского языка, в

¹⁹ „Вклад в науку об употреблении времен в сербохорватском языке”.

²⁰ М. Стеванович считает, что лучше было бы эту категорию называть *obaveštenje* (Stevanović 1976: 104).

частности в них он нашел критерии для классификации материала (Stevanović 1976: 102–103).

Судьба Аугуста Мусича сложилась так, что он выдвигал идеи, которые другие воспринимали и дальше разрабатывали (многие за рубежом вообще не знали о его научном творчестве, вероятно из-за языкового барьера)²¹. Первый такой случай — выделение Аугустом Мусичем двух темпоральных категорий (повествования и разговора). Эта попытка оказалась довольно неудачной из-за „ненаучности”, „нетерминологичности” названий данных категорий. Более адекватное название придумал А. Белич, используя термины индикатив, который уже существовал в лингвистической терминологии в совсем другом значении, и релятив. Второй случай: в послевоенные годы два европейских лингвиста выделяют категории, которые А. Мусич уже ввел в научный обиход в первой половине XX века. С одной стороны, Э. Бенвенист (Benvenist 1974) различает время речи (*discours*) и время повествования (*récit*), что, в сути дела, является одним и тем же, что и разговор и повествование у Аугуста Мусича. С другой, Н. С. Пospelов выделяет план коммуникации и план информации, и это почти совпадает с категориями Аугуста Мусича. В литературе данное разграничение приписывается Э. Бенвенисту и Н. С. Пospelову, в то время как А. Мусич вообще не упоминается (скорее всего, из-за того, что его имя было неизвестно в широких лингвистических кругах Европы). Так, Г. А. Золотова пишет: „Весьма перспективным оказывается путь, намеченный наблюдениями Э. Бенвениста над системой французского глагола и Н. С. Пospelова — над формами глагольного времени в русском языке. Исследователями предложено разграничить времена говорения (*discours*) и времена повествования (*récit*) соответственно плану речи и плану повествования — во французском, и два ряда грамматических значений в глагольных формах времени соответственно плану коммуникации и плану информации — в русском языке” (Золотова 1975: 249). Когда речь идет об этих двух планах, надо сказать, что и другие лингвисты обращали внимание на неоднородный характер речи и ее влияние на категорию времени. Так Х. Вайнрих выделяет нарративные времена (в рассказах, романах, сказках) и дискурсивные времена (в комментариях, заключениях, сценариях, переговорах, дискуссиях — Weinrich 1977). В. Я. Мыркин указывает на то, что абсолютное и относительное время объективно существуют в языке и что основанием такого различия является дихотомия речи, расчленение ее на две сферы: деятельностьную речь и повествовательную речь (Мыркин 1981: 60–61). Деятельностная речь — это прагматическая речь, она служит координации действий говорящих (ее языковая стихия — устный диалог).

²¹ На А. Мусича влияние оказал Х. Пауль, который различал „конкретные” предложения, в которых действие относится к реальному времени (настоящему, прошедшему и будущему) и „абстрактные предложения”, которые выражают абстрактное время, т. е. всевременность (Paul 1898).

Повествовательная речь — это рассказ-рассуждение (языковая стихия — письменный монолог). В. Я. Мыркин констатирует, что различие этих сторон речи пока еще только входит в арсенал лингвистики, а сама идея возникла именно в связи с анализом употребления глагольных форм времени в разных языках (Мыркин 1981: 60). З. Я. Тураева выделяют два других аспекта речи: план непосредственного общения и план сюжета (Тураева 1974).

Третий случай: хорватский лингвист Радослав Катичич (Katičić 1981) в системе времен выделяет категорию законченности (*kategoriju gotovosti*), которая включается в новейшую грамматику хорватского языка (Hrvatska gram. 1995) и истоки которой надо также искать у А. Мусича. Об этом феномене А. Мусич писал в 1926 году: „В перфекте необходимо отдельно рассматривать случаи, когда глагол в действительном причастии II является перфективным и когда является имперфективным. В первом случае (о втором см. § 11) при помощи перфекта выражается законченность перфективного действия или состояния в настоящем по окончании перфективного действия несмотря на время, когда действие имело место. Настоящее, на основании которого выражается законченность действия или состояния, всегда должно быть собственно настоящим (*prava sadašnjost*), т. е. временем, когда поэт говорит, потому что законченное действие или выраженное состояние являются чем-то абстрактным, что нельзя заметить, а можно только умственным путем осознать (напр. если я скажу **Ivan** je umro, я не скажу то, что я вижу, потому что я могу видеть только осуществление Иваном действия глагола **umrijeti** (значит, был бы нужен аорист) или Ивана мертвым, и на основании этого я прихожу к выводу, что Иван находится в состоянии после совершенного действия глагола **umrijeti**, т. е. что он умер” — Musić 1926, 128²². Суть этой категории Р. Катичич объясняет следующим способом: „Категория законченности во временном значении глагольных форм является неизвестной и чуждой в нашем грамматическом образовании. Грамматическое знание, когда оно действительно приобретено, является глубоко укорененным и при помощи постоянных упражнений почти автоматизированным. Поэтому в этой области новые категории не воспринимаются легко и вызывают сопротивление, особенно если необходимость в них сразу не улавливается, а общепринятая система хорошо функционирует. Но здесь более важным является то, что категория законченности в нашей грамматической литературе и не является новшеством. Ее заметил и ввел уже Аугуст Мусич в своих тонких синтаксических исследованиях, а как грамматическое значение перфекта ее упоминают Маретич и Брабец-Храсте-Живкович в своих граммати-

²² Правда, до А. Мусича понятие „gotovost” („законченность”) упоминает П. Будмани (Budmani 1867), Вебер (Veber 1868) и Т. Маретич (Maretić 1899). Оно встречается и в послевоенных исследованиях (Brabec/Hraste/Živković 1968: 237, Stojićević 1954, Stevanović 1975, II: 583–588). О категории законченности писала также Милка Ивич, но в другом значении (ivić 1958: 143).

ках, но она у них осталось неразработанной. Оказалось, однако, что эта категория является ключом для лучшего понимания употребления глагольных времен... Поэтому несомненно является полезным включить эту категорию в описание грамматических признаков времени" (Katičić 1981, 12). Р. Катиич указывает на то, что законченное настоящее (*gotova sadašnjost*), абсолютное и относительное, выражается при помощи перфекта. Он приводит следующие примеры для абсолютного употребления категории законченности: *Nema više sunca. **Zašlo je*** (Нет больше солнца. Оно зашло). — *Gledaj ga. **Igrao se** u blatu* (Смотри на него. Он играл в грязи). — Katičić 1986: 50. Примеры для относительного употребления: ***Naručio** kahvu, **sjeo** u ugao i **pije*** (Он заказал кофе, сел в угол и пьет). Законченное прошедшее выражается при помощи плюсквамперфекта: (***Bio se** čak i **zacrvenio**, valjda zbog onih svih lica u dvorani* (Он даже покраснел, вероятно из-за всех этих лиц в зале) — Katičić 1986: 58. Законченное будущее²³ передается при помощи действительного причастия прошедшего времени (*glagolskog pridjeva aktivnog*) и футурума I: *Morem će **biti strujio** neki vjetrić* (На море дул какой-то ветер) — Katičić 1986, 63.

В „Синтаксисе хорватского литературного языка” Р. Катиич пишет: „Категория времени имеет три сегмента: настоящее, прошлое и будущее. Это трехчленное деление в рамках грамматической категории времени является основным образцом нашей ориентации во времени, которое также основано на различии настоящего, прошлого и будущего” (Katičić 1981: 45). И далее: „Три грамматических сегмента в рамках категории времени являются двойственными: как законченные и незаконченные. Таким образом, различаются:

настоящее	и законченное настоящее
прошедшее	и законченное прошедшее
будущее	и законченное будущее”.

Разницу между этими двумя категориями он видит в следующем: „Настоящее связывает глагольное действие, событие или состояние с определенным моментом... Законченное настоящее также связано с определенным заданным моментом, но не самым действием, событием или состоянием, а следствием, возникшим из этого и продолжающимся, и поэтому при выражении законченного настоящего они являются более важными, чем действие, событие или состояние, выраженные глаголом. Законченное прошлое и законченное будущее являются такими же, только у первого следствие действия, события или состояния связано со временем до определенного заданного момента, а у второго после него” (Katičić 1981, 45)²⁴.

²³ Р. Катиич отмечает, что законченное будущее выражается очень редко.

²⁴ Р. Катиич говорит также об абсолютном употреблении временных форм (времени, в котором говорится, или *tempus dicendi*) и релятивным употреблением временных форм (времени, о котором говорится, или *tempus agendi*).

Категория законченности толкуется приблизительно также в Хорватской грамматике: „Когда является важным не само действие, но и состояние, возникшее как его следствие, и когда именно это состояние особенно подчеркивается и связывается с определенным заданным моментом, тогда речь идет о законченном настоящем. Когда является важным не само действие, но и состояние, возникшее как его следствие, и когда именно это состояние особенно подчеркивается и связывается с временем до определенного заданного момента, тогда мы имеем законченное прошлое. Если является важным не само действие, но и состояние, возникшее как его следствие и когда именно это состояние особенно подчеркивается и связывается с временем после определенного заданного момента, тогда речь идет о законченном будущем.” (Hrvatska gram. 1995: 279).

Категория законченности представляет собой терминологическую инновацию хорватских лингвистов, но это не значит, что она является категориальной инновацией, так как она в принципе подразумевает категорию инклюзивности (обозначающей действие, начавшееся в прошлом и продолжающееся в настоящем) и перфективности, которые выделяются в европейской темпусологии. Мы считаем, что название данной категории является неудачным, прежде всего потому что оно содержит в себе элемент парадоксальности по отношению к настоящему и будущему.

Здесь надо добавить, что Аугуст Мусич был одним из первых лингвистов, который говорил о том, что в современной темпусологии называется временным дейксисом — указанием на временную локализацию сообщаемого факта²⁵. Категория дейксиса охватывает указание на участников речевого акта — говорящего и собеседника (ролевой дейксис), степень отдаленности объекта речи и временную и пространственную локализацию (хронотопический дейксис). Теория дейксиса связана с временной референцией, и в ней в принципе различается то, что различал А. Белич в форме индикатива и релятива. Дейктическими временами считаются абсолютные времена, недейктическими — относительные (Рябова 1995: 14).

Из европейских лингвистов на взгляды А. Белича влияние оказали, прежде всего, К. Бругманн (Brugmann 1904) и Й. М. Шталь (Stahl 1907). Они различали абсолютное и относительное употребление времени, а в рамках последнего они выделяли предшествование, одновременность и следование. В связи с этим сам А. Белич писал: „Многие ученые говорили в своих работах о ненастоящих временах или об относительном употреблении глагольных форм. Так, Бругманн говорит совсем правильно: „*Von relativer Zeitstufe oder bezogenem Tempusgebrauch spricht man, wenn die Zeit der Handlung nicht direkt von der Zeit des Redenden aus, sondern von der eines anderen Vorgangs aus, von dem zugleich die Rede ist, bestimmt wird...* Хотя Бругманн

²⁵ Дейксис является одним из важных новшеств в темпусологии XX века (см. Kurylowicz 1964, Weinrich 1971).

приводит обилие примеров для таких значений, все-таки он не уделит релятиву полное внимание (ср. ниже). Так, на пример, и М. Шталь упоминает релятив как противоположность абсолютиву, который обозначает то же, что и индикатив... Но все-таки... эта глагольная категория не получила также у него достаточного разъяснения” (Belić 1941: 369). О влиянии Й. М. Шталя А. Белич пишет: „К теоретическому рассмотрению глагольного времени и глагольного вида я пришел на основе исследований значения сербохорватского глагольного вида и употребления времени в сербохорватском языке и в других славянских языках. Хотя для результатов, которых я добился, не имела особое значение книга Й. М. Шталя *Kritischhistorische Syntax der griechischen Verbuns der klassischen Zeit* (Heidelberg 1907), потому что к своим выводам я пришел полностью самостоятельно, я рад, что могу констатировать, что его анализ принципиальной стороны греческих времен и их отношения к глагольному виду *полностью совпадает* с моими выводами, полученными на совсем другом поле исследования и на совсем другом материале (ср. его *Lehre vom Tempus*, с. 74–220). Наше совпадение является полным и в самом методе и способе рассмотрения. Не удивляет то, что иногда у нас не только определения, но и названия абсолютно идентичны. И он разделяет времена на абсолютные и относительные (с. 79), и он определяет настоящие временные значения, которые я называю синтаксическим индикативом, только при „абсолютном” употреблении, т. е. по отношению глагольного действия к моменту речи (его *Zeitstufe*), а видовое значение в относительном употреблении (его *Zeitart*), т. е. за рамками отношения к моменту речи, и он считает, что аргумент является временным знаком, а его отсутствие — знаком использования глагольной форм в релятиве и т. д. Но, конечно, так как мы этим занимались совсем отдельно и самостоятельно, один на мертвом языке, а другой на живом — между нами есть разница. Она будет совсем ясна, когда я подробно представлю всю систему времен и глагольных форм в нашем языке и когда покажу, что в этой системе имеет общее, принципиальное значение, а что временный (исторический) характер. Поэтому я сейчас и не хотел бы входить в подробности, которые, без целостной системы, оказались бы неясными, и в которых были бы представлены мои идентичные и мои отличающиеся взгляды по поводу анализа Шталя.” (Belić 1932, 38).

Отклики на теорию индикатива и релятива были разные. Их можно свести к пяти группам. Одни теорию А. Белича полностью восприняли, порой некритически (с преувеличением значения теории А. Белича), или же с небольшими претензиями и коррекциями. К таким относится, прежде всего, Михаило Стеванович. Он в частности считал, что деление на индикативную, релятивную и модальную синтаксическую категорию несомненно относится к „самым совершенным классификациям в науке вообще, не только в лингвистике” (Stevanović 1976: 111). По его мнению А. Белич создал „идеальную классификацию” (с. 120), он открыл дорогу, „по которой только

должны идти” (Stevanović 1980: 15). О себе М. Стеванович говорит, что он „без резерв” воспринял классификацию А. Белича, но с изменением содержания релятива, добавлением третьей категории — модуса²⁶ и с интерпретациями, отличающимися порой от интерпретаций А. Белича (Stevanović 1980: 17).

Другие исследователи выражали достоинства теории, но одновременно высказывали серьезные критические замечания. К таким относится Н. С. Поспелов, который первый в советской лингвистике дал полный анализ теории А. Белича (Поспелов 1947)²⁷. Его критические замечания сводятся к следующему. (1) „Вполне соглашаясь с тем, что *Praesens historicum*, транспонируя настоящее время глагола в план прошлого, оказывается релятивной формой употребления глагольного времени, можно усомниться, что и „все-временное” настоящее тоже релятивно потому только, что оно может быть отнесено к любому моменту времени в настоящем, прошлом и будущем, тогда как подлинное, индикативное настоящее время всегда параллельно моменту речи. В действительности, как это правильно сформулировано Карцевским, „объективное настоящее”, т. е. момент акта предикации, не совпадает необходимо с субъективной ситуацией говорящего лица” (Поспелов 1947, 20). (2) „Однако и при наличии в предложении временного наречия глагол может иметь не релятивное, а индикативное значение. Напр., в предложении, акцентирующем глагол — „она осенью умерла” — „умерла” имеет значение индикативное, так как в таком случае мы сообщаем кому-то сейчас о том, что произошло в какое-то другое время. Поэтому вполне прав В. В. Виноградов, когда он утверждает, что „даже в таких предложениях как „Пушкин **родился** в 1799 г.” с грамматической точки зрения результат прошедшего мыслится пребывающим доныне”, т. е. глагол имеет значение индикативного перфекта, несмотря на наличие в данном предложении указания на определенный момент далекого от нас прошлого. С другой стороны, и в нераспространенном предложении „птицы **улетели**” значение индикативного перфекта, т. е. непосредственного сообщения о прошлом, может быть утрачено, а останется только значение факта прошлого без какого-либо отношения к настоящему, как это имеет место в рассказах о прошлом. Таким образом, различие между индикативом и релятивом в формах времени определяется не наличием или отсутствием в предложении адвербиальных показателей времени, а наличием или отсутствием связи с настоящим, как с непосредственным выражением действительности в сознании говорящего. Поэтому и настоящее время с значением постоянного действия типа „земля **вращается** вокруг солнца” и прошедшее время с точным указанием даты

²⁶ Модус он ввел в 1958 году (Stevanović 1957/58: 28).

²⁷ Из работ русских лингвистов, в которых рассматривается теория А. Белича, обращает внимание на себя работа Владимира Чумака „Параллелизм синтаксического индикатива и релятива в сложных предложениях сербохорватского языка” (Čumak 1985).

прошлого — типа „Пушкин **родился** в 1799 году”, и будущее время с точным указанием даты „Меня **будут читать** в 1935 году” (Стендаль) оказываются формами времени в прямом, индикативном употреблении” (Поспелов 1947: 22)²⁸. Теорию А. Белича Н. С. Поспелов сопоставляет с теорией скрив, выдвинутой акад. А. Г. Шанидзе, рассматривающим время и наклонение как функции более общей категории, которую он назвал скривой или рядом (Поспелов 1947: 23).

Третьи в критике теории А. Белича предлагали свои решения. Указывая на то, что теория синтаксического индикатива и релятива сохраняет в силе те принципы, которые лежат в основе традиционного учения об абсолютных и относительных временах²⁹, А. В. Бондарко находит в теории А. Белича несколько уязвимых мест (Бондарко 1961: 193–194). Во-первых, он считает спорным то положение А. Белича, согласно которому время во всех типах „зависимых” (придаточных) предложениях всегда является релятивным. Во-вторых, нерешенным вопросом является, по его мнению, то, к какой категории следует отнести употребление глагольных форм в абстрактном („вневременном”) и повторительном значении. В-третьих, недостаточно разработаны критерии для точной характеристики употребления претеритальных времен, что создает основу для субъективных толкований. В-четвертых, материал, который охватывает релятив, является в основном недифференцированным. В-пятых, определение релятивного употребления времен нуждается в уточнении, касающемся момента речи. „Нам представляется, что возможность ориентации времени действия при релятивном употреблении непосредственно на момент речи (при обязательной ориентации на какой-то момент вне времени речи) не может быть исключена.” (Бондарко 1961: 202). А. В. Бондарко предлагает в релятивном употреблении выделить две группы случаев: „Первая группа характеризуется тем, что время данного действия определяется исключительно с точки зрения какого-то момента, находящегося вне времени речи. Следовательно, время действия в этих случаях имеет лишь одну точку отсчета, которая не есть момент речи. Вторая группа характеризуется тем, что время данного действия определяется с точки зрения определенного момента, находящегося вне времени речи и вместе с тем с точки зрения момента речи. Следовательно, в этих случаях время действия имеет две точки отсчета, из которых одна находится вне времени речи, а другая есть не что иное, как момент речи.” (Бондарко 1961: 202). А. В. Бондарко приводит для релятивного употребления времен с одной точкой отсчета следующий пример: „Мальчик слушал его речь, смотрел на него и чувствовал, что отец как будто все ближе **продвигается** к нему.” Пример для

употребления времен с двумя точками отсчета: „Я видел, как **качались** от ветра стены домов, как **летели**, подобно осенним листьям, кровли и **падали** каменные ограды.” Здесь, поясняет он, глаголы в придаточном дополнительном предложении (**качались, летели, падали**), выражая одновременность по отношению к действию главного предложения, имеют вместе с тем прямое отношение к моменту речи.

Один из тех, кто стремился по-своему разобраться в данном вопросе был Б. Бёк, который видел разницу между индикативом и релятивом в следующем: если действие с инвариантным значением относится к настоящему времени говорящего, речь идет об абсолютном употреблении; если же действие с инвариантным значением не относится ко времени говорящего, речь идет о релятивном употреблении (Восек 1968).

Четвертые выдвигали претензии больше А. Беличу, чем его теории. Здесь в первую очередь мы имеем в виду Ксению Милошевич. Она считала, что его теория является нечетко формулированной и что ее концепция неоднократно модифицировалась (Milošević 1978: 111). К. Милошевич это поясняет: „Интерес А. Белича к проблематике ВГФ (= временных глагольных форм) было и осталось преимущественно теоретическим... Белич в частности теоретически усовершенствовал точку зрения А. Мусича о повествовании и разговоре как критериях для определения характера (типа) использования ВГФ..., и соответственно, использовал и другие термины: индикатив — „релятив”, восприняв таким образом терминологическую, и не только терминологическую, идею, принадлежащую Т. Маретичу и Л. Стояновичу... Белич в своем учении об индикативе и релятиве теоретически объединил результаты Стояновича и Мусича, осознал максимум того, что можно было осознать из его, теоретической, перспективы и в тогдашнем состоянии сербохорватистики и лингвистической науки вообще... Однако, самым тем, что этот выдающийся ученый не занимался более широкими и систематическими исследованиями фактического состояния в сербохорватском языке в области функционирования ВГФ он лишился одной важной, а именно ключевой, предпосылки для дальнейшего совершенствования — критической проверки и оптимальной разработки или, может быть, переработки концепции индикатива и релятива” (Milošević 1978: 96). Ксения Милошевич считает, что в последнем варианте теории А. Белича было нарушено единство принципов разграничения.

Пятые, по разным причинам, обходили в своих исследованиях теорию А. Белича (Йован Вукович, Александр Стоичевич, Петр Сладоевич, Милка и Павле Ивич). К этой группе можно отнести большинство хорватских грамматистов.

Посредственной реакцией можно считать выделение некоторых других категорий в постбеличевском периоде. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, категорию законченности Радована Катичича. Сюда также относится категория „моментов времени” (D- и T- момента) Милки Ивич (Ivić 1958). Она

²⁸ М. Стеванович считает, что Н. С. Поспелов смешивает модус и индикатив и удивляется, что он говорит о модальном индикативе (Stevanović 1957/58: 26).

²⁹ Для этой концепции характерно выделение в рамках относительного употребления времен отношений одновременности, предшествования и следования.

объясняет функционирование временной системы сербохорватского языка, используя четыре основных момента: D-момент (момент динамики, реализации действия, который существует в каждой личной глагольной форме), T-момент (момент речи), V-момент (момент связи с некоторым другим действием) и A-момент (действие как процесс). Эти моменты являются дифференциальными критериями для разграничения значения временных форм. Всю систему временных форм М. Ивич представляет в форме формулы, содержащей в себе плюс или минус (D+, D-; T+, T-, V+, V-, A+, A-).

Наконец, взгляды А. Белича надо рассматривать в контексте тех инноваций в мировой темпусологии, которые непосредственно связаны с его теорией. В этом плане обращают внимание понятия, в которых раскрывается суть релятива А. Белича. Здесь, прежде всего, имеем в виду понятие таксиса, т. е. временное отношение между действиями в форме предшествования, одновременности и следования, точнее характеристику сообщаемого факта по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения (Якобсон 1972: 101), выражение одновременности / разновременности (Бондарко 1995: 110)³⁰. Второе важное понятие современной темпусологии — это дейксис (грамматическое время считается дейктической категорией, так как оно указывает на отношение содержания высказывания к моменту речи; Падучева 1989: 165). Третье — шифтер, который ввел Р. Якобсон и который обозначает связь сообщения с актом речи, в частности с говорящим и слушающим (кроме времени сюда относится категория лица) — Якобсон 1972³¹. Р. Якобсон указывает на то, что время характеризует сообщаемый факт по отношению к факту сообщения. „Так, прошедшее время показывает, что сообщаемый факт предшествует факту сообщения” (Якобсон 1972: 100). Четвертое — темпоральность, основные аспекты которой представлены в трудах А. Н. Бондарко, его учеников и последователей. Пятое — релятив А. Белича как разновидность сообщения о сообщении в сложно-подчиненном предложении с придаточным изъяснительным (напр. Я знал, **что ты вернешься**). Об этом пишет Э. Кржижкова: „Время главного предложения определяется отношением к моменту речи с точки зрения говорящего, время второй части — отношением к моменту речи с точки зрения участника первого раскрываемого события” (Кржижкова 1962: 21)³². Значит, сообщение в сообщении являет формой относительного употребления временных форм, т. е. является одной из форм релятива. Такие формы выражают не экзистен-

³⁰ Мирослав Кравар писал о согласовании времен как совокупности дейктическо-таксических комбинациях употребления времен в сложноподчиненных предложениях определенных типов (Kravar 1985: 250).

³¹ Понятие шифтера ввел О. Есперсен. Бернард Рассел называл шифтеры эгоцентрическими спецификаторами, которые могут быть определены как такие знаки, которые никогда не относятся сразу более чем к одному предмету (Якобсон 1972: 98).

³² Она считает, что точка зрения говорящего не имеет никакого значения для определения времени в придаточном предложении.

циальную, а окказиональную временную характеристику (Поташкина 1977: 99). Шестое — категория перформатива (высказывания, эквивалентного действию, самому речевому акту), введенная Дж. Осинем, также раскрывает суть одной части индикатива А. Белича.

Если А. Белич выделяет только две временные оси ориентации (ось „момент действия : момент речи”, ось „х-момент действия : у-момент действия”), то другие исследователи выделяли или две или больше осей. Напр. Э. Кошмидер рассматривал ось времени как двустороннее направление: из прошлого в будущее и из будущего в прошлое (Koschmieder 1920). У. Е. Булл различает несколько осей ориентации для концептуального представления времени: ось ориентации настоящего, ось прошедшего, ось будущего и ось будущего в настоящем (Тураева 1979: 31). На каждой из этих осей может реализоваться любое из трех возможных отношений: одновременность, предшествование, следование.

С другой стороны, Концепция А. Белича никак не укладывается в некоторые теории, а именно в теорию невременности глагола, выдвинутую в XIX веке Н. П. Некрасовым и К. С. Аксаковым, согласно которой у глагольных форм нет категории времени, а также в точку зрения Д. А. Штелинга, который считал, что вообще надо отказаться от категории времени, так как временные отношения неразрывно связаны с модальными значениями (Штелинг 1959).

В заключение надо сказать, что в европейской темпусологии XX столетия в основном говорится о двух временных категориях: абсолютном и относительном употреблении времени³³. Но есть и критические взгляды на выделение этих категорий. Один из критиков деления глагольного времени на абсолютное и относительное, был А. И. Горшков (Горшков 1959: 266). Он считал, что глагольное время вообще не выражает отношения действия к моменту речи, и поэтому деление глагольного времени на абсолютное и относительное утрачивает свой смысл, тем более, что современный русский язык явно не имеет никаких особых грамматических форм для выражения абсолютного времени, с одной стороны, и относительного — с другой (Горшков 1959: 266–267). По его мнению, глагольное время не выражает отношения момента действия к моменту речи.

Инновации А. Белича (синтаксический индикатив и релятив) были восприняты многими лингвистами как понятия, про помощи которых можно выяснить суть глагольного времени. Остальные категории А. Белича (квалификативные и другие формы употребления времени, гномическое употребление времени и *Oratio obliqua*) не нашли поддержки не только зарубежных, но и югославских лингвистов. Исключение составляет Михаило Стеванович и его линия в сербской лингвистике. Но вклад теории А. Белича в евро-

³³ Об этом писали Гак 1983: 140–141, Панфилов 1982, Шмелев 1960, Дешериева 1975, Nolte 1986, Ванников 1966, Поташкина 1977 и др.

пейскую темпусологию XX века мы видим не в количестве сторонников, а в силе влияния на исследования: А. Белич настолько оказал воздействие на развитие югославской и славистической темпусологической теории, что развил особое русло — „беличевское”. Он возмущал „балканское лингвистическое спокойствие” и предложил свои решения, которые не оказались идеальными (как это считал М. Стеванович), но также не банальными, а оказалось хорошей основой для дальнейших исследований. Появление теории А. Белича в 1927 году оказалось важнейшим событием в югославской лингвистике XX века. Но после 70 лет жизни теории синтаксического индикатива и релятива совершенно ясно: эта теория сыграла свою, очень важную и конструктивную, роль. Ее вклад в югославское языкознание и славистику вообще мы видим даже и в том, что некоторые лингвисты его теорию не воспринимали, точнее ее не развивали, а пошли по своему пути³⁴. Это „отталкивание” от А. Белича оказалось в определенных случаях довольно оригинальным и плодотворным. Мы можем говорить и о нашем отталкивании от А. Белича но не в смысле отрицания, неуважения его взглядов, а в рассмотрении категории времени в другом ракурсе и, в связи с этим, введении нового понятия — корреляционного категориала (экстра-, интер- и интракатериала).

Литература

- Arsova-Nikolić Lidija, 1984. *Začeci savremene koncepcije engleskog glagolskog sistema* // Gramatika u nastavi maternjeg i stranih jezika. — Beograd: Društvo za primenjenu lingvistiку Srbije. — S. 231–236.
- Belić Aleksandar, 1926–27. *O upotrebi vremena u srpskohrvatskom jeziku. Povodom rasprava o tome prof. A. Musića* // Južnoslovenski filolog. — Beograd. — Knj. VI. — S. 102–132.
- Belić Aleksandar, 1928. *O sintaksičkom indikativu i relativu* // *Simbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski*. — Cracoviae: Apud Bibliopolas Geberthner & Wolff — Volumen II. — S. 47–55.
- Belić Aleksandar, 1932. *Slovenski injunktiv u vezi sa postankom slovenskog glagolskog vida* // Glas Srpske kraljevske akademije: Drugi razred. — Beograd. — CXLVIII, 76. — S. 1–38.
- Belić Aleksandar, 1938–39. *Prilozi učenju o upotrebi vremena u srpskohrvatskom jeziku* // Južnoslovenski filolog. — Beograd. — Knj. XVII. — S. 179–188.
- Belić Aleksandar, 1941. *O jezičkoj prirodi i jezičkom razvitku: Lingvistička ispitivanja*. — Beograd: Mlada Srbija. — 655 s.
- Boeck W., 1968. *Absoluter und relativer Tempusgebrauch in den syntaktischen Strukturen der russischen Gegenwartssprache* / Zeitschrift für Slawistik. — Berlin. — 4. — S. 616–623.
- Brabec Ivan, Hraste Mate, Živković Sreten, 1968. *Gramatika hrvatskosrpskoga jezika*. — VIII, neizm. izd. — Zagreb: Školska knjiga. — 280 s.
- Brugmann K., 1904. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. II — Strasburg: Trübner. — 777 S.

- Budmani Pero, 1867. *Grammatica della lingua serbo-croata (illirica)*. — Viena: A spese dell'autore. — 250 s.
- Čović Branimir, 1967. *Trenutak govora, vreme govora, vremenski razmak ili?...* // Godišnjak Filozofskog fakulteta. — Novi Sad. — Knj. X. — S. 1–8.
- Čumak Vladimir, 1985. *Paralelizam sintaksičkog indikativa i relativa u složenim rečenicama srpskohrvatskog jezika (u poređenju sa istočnoslovenskim jezicima)* // Naučni sastanak slavista u Vukove dane. — Beograd: MSC. — 14/2. — S. 121–126.
- Guillaume G., 1975. *Le problème de l'article et sa solution dans la langue française*. — Paris.
- Barić Eugenija, Lončarić Mijo, Malić Dragica, Pavešić Slavko, Peti Mirko, Zečević Vesna, Znika Marija, 1995. *Hrvatska gramatika*. — Zagreb: Školska knjiga. — 684 s.
- Ivić Milka, 1958. *Sistem ličnih glagolskih oblika za obeležavanje vremena u srpskohrvatskom jeziku* // Godišnjak Filozofskog fakulteta. — Novi Sad. — III. — S. 139–149.
- Katičić Radoslav, 1981. *Kategorija gotovosti u vremenskom značenju glagolskih oblika* // Jezik. — Zagreb. — Br. 1. — S. 3–13.
- Katičić Radoslav, 1986. *Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Nacrt za gramatiku*. — Zagreb: JAZU. — 510 s.
- Katičić Radoslav, 1992. *Zabilješke uz sintagmatiku Aleksandra Belića* // Katičić Radoslav. Novi jezikoslovni ogledi. — Drugo, dop. izd. — Zagreb: Školska knjiga. — S. 165–171.
- Koschmieder E., 1920. *Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt- und Tempusfrage*. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. — 86 S.
- Kravar Miroslav, 1980. *August Musić kao istraživač glagolske sintakse hrvatsko-srpskoga jezika* // Naučni sastanak slavista u Vukove dane. — Beograd: MSC. — 9. — S. 21–33.
- Kravar Miroslav, 1985. *K voprosu o soglasovanii vremen v russkom literaturnom jazyke* // Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja. — Zagreb: Djela JAZU, Razred za filologiju. — Zagreb. — Knj. 59. — S. 249–261.
- Kuryłowicz J., 1964. *The Inflectional Categories of Indo-European*. — Heidelberg.
- Maretić Tomo, 1899. *Gramatika ili stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. — Zagreb: Knjižara L. Hartmana. — 702 s.
- Milošević Ksenija, 1978. *O proučavanju vremenskih glagolskih oblika u serbokroatistici* // Zbornik za filologiju i lingvistiku. — Novi Sad. — XXI/2. — S. 93–121.
- Musić Avgust, 1926. *Prilozi nauci o upotrebi vremena u srpskohrvatskom jeziku* // Glas Srpske kraljevske akademije, Drugi razred. — Beograd. — CXXI, 66. — S. 111–173.
- Musić Avgust, 1927a. *Prilozi nauci o upotrebi vremena u srpskohrvatskom jeziku* — II. Vremena u Vukovu i Daničićevu prevodu Sv. pisma // Glas Srpske kraljevske akademije, Drugi razred. — Beograd. — CXXIII, 67. — S. 69–119.
- Musić Avgust, 1927b. *Prilozi nauci o upotrebi vremena u srpskohrvatskom jeziku* — II. Vremena u narodnim pripovijetkama i (kao dodatak) u Vukovim i Daničićevim istoričkim djelima // Glas Srpske kraljevske akademije, Drugi razred. — Beograd. — CXXVI, 69. — S. 3–55.
- Nolte G., 1986. *Absolutes und relatives Tempus im Slowakischen* / Zeitschrift für Slawistik. — Berlin. — 31. — S. 95–100.
- Paul H., 1898. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. — 3. Aufl. — Halle a. S. — Nimeyer. — 396 S.
- Reichenbach H., 1947. *Elements of symbolic logic*. — New-York. — P.
- Sladojević S. Petar, 1966. *O osnovnim vremenskim kategorijama glagolskih oblika u srpskohrvatskom jeziku*. — Beograd: Naučna knjiga. — 116 s.
- Stahl J., 1907. *Kritisch-historische Syntax des griechischen Verbums der Klassischen Zeit*. — Heidelberg.

³⁴ В изменении направления исследования А. Н. Бондарко в сторону изучения темпоральности (в 70-ые годы) мы тоже видим своеобразное отталкивание А. Н. Бондарко от А. Белича.

- Stevanović Mihailo, 1957–58. *Način određivanja značenja glagolskih oblika* // Južnoslovenski filolog. — Beograd. — XXII, knj. 1-4. — S. 19–48.
- Stevanović Mihailo, 1937–39. *Pitanja značenja glagolskih vremena u relativnoj upotrebi njihovoj* // Južnoslovenski filolog. — Beograd. — Knj. XVII. — S. 150–178.
- Stevanović Mihailo, 1967. *Funkcije i značenje glagolskih vremena*. — Beograd: Naučna knjiga. — 174 s.
- Stevanović Mihailo, 1975. *Savremeni srpskohrvatski jezik (Gramatički sistem i književnojezička norma)*: Tom I i II. — 3. izd. — Beograd: Naučna knjiga.
- Stevanović Mihailo, 1976. *Belićevo učenje o sintaksičkim sistemima glagolskih vremena, glagolskih načina i glagolskog vida* // Zbornik radova o Aleksandru Beliću. — Beograd: SANU, posebna izdanja, knj. CDXCVIII, Odeljenje jezika i književnosti, knj. 28. — S. 91–131.
- Stevanović Mihailo, 1980. *Još o proučavanju sistema glagolskih vremena u srpskohrvatskom jeziku* // Glas Srpske akademije nauka i umetnosti, Odeljenje jezika i književnosti. — Beograd. — CCCXXV, knj. II. — S. 9–61.
- Stojanović Ljubomir, 1921. *O značenju i upotrebi glagolskih oblika u rečenicama* // Južnoslovenski filolog. — Beograd. — Knj. II. — S. 187–210.
- Stojićević Aleksandar, 1954. *Značenje aorista i imperfekta u srpskohrvatskom jeziku* // Pitanja književnosti i jezika. — Knj. I. — S. 180–190.
- Veber A., 1868. *O vremenih u hrvatsko-srpskom jeziku* // Rad JAZU. — Zagreb. — Knj. II. — S. 49–67.
- Vuković Jovan, 1967. *Sintaksa glagola*. — Sarajevo: Zavod za izdavanje udžbenika. — 419 s.
- Weinrich H., 1971. *Tempus: Besprochene und erzählte Welt*. — Stuttgart: Kohlhammer. — 349 S.
- Barnetova Vilma i dr., 1979. *Русская грамматика*. 1. — Praha, Akademia. — 664 s.
- Белич А., 1962. *О славянском глагольном виде (отрывок)* // Вопросы глагольного вида. — Москва: Изд-во иностранной лит-ры. — С. 213–217.
- Бенвенист Эмиль, 1974. *Общая лингвистика*. — Москва: Прогресс. — 446 с.
- Бондарко А. В., 1961. *По поводу теории синтаксического индикатива и релятива* // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, кафедра русского языка. — Ленинград. — Том 225. — С. 193–209.
- Бондарко А. В., 1965. *Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке (в связи с вопросом „темпоральности“)* // Вопросы языкознания. — Москва. — 6. — С. 44–54.
- Бондарко А. В., 1995. *Теория предикативности В. В. Виноградова и вопрос о языковом представлении идеи времени* // Вестник Московского ун-та. Серия 9: филология. — Москва. — 4. — С. 105–111.
- Виноградов В. В., 1975. *Избранные труды: Исследования по русской грамматике*. — Москва. — 558 с.
- Гак В. Г., 1983. *Сравнительная типология французского и русского языков*. — Изд. 2-е. — Москва: Просвещение. — 287 с.
- Гак В. Г., 1979. *Теоретическая грамматика французского языка*. — Москва: Высшая школа. — 304 с.
53. <Голованова 1989> Голованова И. П. *Точечные и интервальные модели для временных логик* // Логико-философские исследования. — Москва: АН СССР. — С. 107–126.
- Горшков А. И., 1959. *По поводу концепции трех времен современного русского языка* // Ученые записки Читинского гос. пед. ин-та. — Чита. — Вып. 4. — С. 259–269.

- Дешериева Т. И., 1975. *Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам* // Вопросы языкознания. — Москва. — 2. — С. 111–117.
- Золотова А. Е., 1975. *Аспекты изучения категории глагольного времени* // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. — Москва. — Том 34, 3. — С. 248–258.
- Каган М. С., 1982. *Время как философская проблема* // Вопросы философии. — Москва. — 10. — С. 117–124.
- Коростовцев М. А., 1969. *О природе египетского глагола* // Вопросы языкознания. — Москва. — 4. — С. 101–106.
- Кошерева И. Г., 1972. *Типологические структуры языка (сфера видо-временных значений)*. — Киев: Изд-во Киевского ун-та. — 234 с.
- Кржижкова Е., 1962. *Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке* // Вопросы языкознания. — Москва. — 3. — С. 17–26.
- Кузнецова Т. Я., 1993. *К вопросу о категории времени и ее роли в организации текста* // Проблемы лингвистики текста (на материале романских языков). — Архангельск: Изд-во Помарского гос. пед. ин-та. — С. 32–41.
- Молчанов Ю. Б., 1977. *Четыре концепции времени в философии и физике*. — Москва: Наука. — 192 с.
- Мостепаненко А. М., 1969. *Проблема универсальности основных свойств пространства и времени*. — Ленинград: Наука. — 229 с.
- Мыркин В. Я., 1981. *Абсолютное и относительное употребление грамматического времени в русском языке* // Грамматическая семантика языковых единиц. — Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т. — С. 56–66.
- Падучева Е. В., 1989. *О семантике грамматических категорий времени и вида в повествовательном тексте* // Семиотика и информатика. — Москва: ВИНТИ. — Вып. 29. — С. 164–176.
- Панфилов В. С., 1982. *К вопросу о категории времени во вьетнамском языке* // Вопросы языкознания. — Москва. — 3. — С. 73–82.
- Поспелов Н. С., 1952. *Категория времени в грамматическом строе русского глагола* // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. — Москва: Академия наук СССР. — С. 286–305.
- Поспелов Н. С., 1966. *О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке* // Вопросы языкознания. — Москва. — 2. — С. 17–29.
- Поспелов Н. С., 1968. *О соотношении грамматических значений глагольных форм времени в русском языке* // Проблемы современной лингвистики. — Москва: Изд-во Московского ун-та. — С. 111–137.
- Поспелов Н. С., 1947. *Учение акад. Белича о синтаксическом индикативе и синтаксическом релятиве* // Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ. — Москва. — Вып. 3. — С. 17–24.
- Поташкина Ю. А., 1977. *О типах временной локализации событий и категориях абсолютного и относительного времени в русском языке* // Научные труды Курского ГПИ: Проблемы грамматики русского языка. — Курск. — Том 179. — С. 94–107.
- Рябова М. Ю., 1995. *Проблема временной референции и ее философское истолкование* // Studia Linguistica. — С.-Петербург: Образование. — Вып. 1. — С. 12–19.
- Тураева З. Я., 1974. *Видо-временные формы английского глагола и их роль в создании художественного времени* // Структурные свойства единиц различных уровней языка. — Ленинград.

- Тураева З. Я., 1979. *Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка)*. — Москва: Высшая школа. — 219 с.
- Уитроу Дж. *Естественная философия времени* / Перевод с англ, 1964. — Москва: Прогресс. — 430 с.
- Урутян Р. Л., 1988. *Лингвистический аспект времени* // Математические модели в лингвистике. — Ереван: Изд-во АН Армянской ССР. — С. 6–17.
- Шмелев Д. Н., 1960. *Абсолютное и относительное употребление форм времени русского языка* // Русский язык в национальной школе. — Москва. — 5. — С. 3–10.
- Штелинг Д. А., 1959. *О неоднородности грамматических категорий* // Вопросы языкознания. — Москва. — 1. — С. 55–64.
- Элькин Д. Г., 1962. *Восприятие времени*. — Москва: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР. — 310 с.
- Юрченко В. С., 1993. *Реальное время и структура языка* // Вопросы языкознания. — Москва. — 3. — С. 36–47.
- Якобсон Роман, 1972. *Шифтеры, глагольные категории и русский глагол* // Принципы типологического анализа языков различного строя. — Москва: Наука. — С. 95–113.

Ewa JĘDRZEJKO

(Katowice)

Konstrukcje analityczne w historii polszczyzny — zarys problematyki

Rozważania o wpływie czasu na język — czy to ujmowany strukturalistycznie jako abstrakcyjny system znaków i reguł gramatycznych, czy traktowany zgodnie z tezami językoznawstwa kognitywnego jako utrwalona lista jednostek znakowych (prosty lub złożony) — wymagają na wstępie pewnego zastrzeżenia i przyjęcia jasno określonych założeń metodologicznych. Pomogą one — jak sądzę — określić zakres weryfikowalności hipotez stawianych w odniesieniu do historycznego materiału językowego, wobec którego badacz z konieczności musi posługiwać się intuicją i wnioskowaniem analogicznym w stopniu znacznie większym, niż przy opisie języka mu współczesnego. Perspektywa diachroniczna jest bowiem — mimo wszelkiego podobieństwa metod opisu i interpretacji oraz mimo braku ostrej granicy między synchronią i diachronią — jednak odmienna, niż przy opisie synchronicznym tego stanu języka, wobec którego kompetencja językowa badacza może stanowić dostateczną gwarancję poprawności interpretacyjnej. Wiążą się z tym różnego rodzaju trudności wyjaśniania zjawisk z przeszłości, sposobów dowodzenia oraz weryfikacji sądów, zwłaszcza dotyczących semantyki i pragmatyki znaków słownych — szczególnie zwielokrotnione wtedy, gdy sama natura tych zjawisk każe widzieć w nich fakty z pogranicza podsystemów językowych.

Przedstawiane niżej uwagi dotyczą właśnie takich zjawisk i procesów ogólnojęzykowych, które i dziś mają niejasny status w tak czy inaczej definiowanym systemie języka naturalnego. Idzie bowiem o typ konstrukcji tzw. analitycznych o globalnej wartości pojedynczych znaków werbalnych (obecnych także w polszczyźnie współczesnej), które istniały w przeszłości w tej samej lub odmiennej, niż dzisiejsza, postaci, i także miały wtedy — lub w każdym razie mogły mieć — swoje jednoleksemowe odpowiedniki czasownikowe. Przykłady dzisiejsze takich par synonimicznych to: *prowadzić rozmowę* ↔ *rozmawiać*, *wejść w konflikt*, *mieć konflikt*, *być w konflikcie* // *być w sporze* ↔ *spierać się*, *kłócić się*, **skonfliktować się* (chyba nie istnieje dziś forma zwrotna od czasownika *skonfliktować* = *skłócić*);